

Атакулова Мерим Абдыкеримовна, д. филол. н., проф.,
Ошский технологический университет,
Мирзакаримова Шахноза Абдукаюмовна, преподаватель,
Кыргызско -Узбекский университет

ЭГОЦЕНТРИЗМ В СФЕРЕ «ОКАМЕНЕЛЫХ» ЛИЧНО-ПОСЕССИВНЫХ АФФИКСОВ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В тюркских языках аффиксы принадлежности иногда приобретают аномальные черты. В данной статье раскрывается словообразовательный характер лично - посессивных аффиксов киргизского языка.

Ключевые слова: лично-посессивный, эгоцентризм, предикативное словосочетание, лично-прониминальный.

Atakulova Merim Abdykerimovna, doctor of philological
sciences, professor, Osh technological university,
Mirzakarimova Shakhnoza Abdukayumovna, lecturer,
Kyrgyz-Uzbek University

EGOCENTRISM IN THE SPHERE OF "FOSSIL" PERSONAL-SESSIONAL AFFIXES ACCESSORIES

In Turkic languages, the affixes of belonging sometimes acquire abnormal features. This article reveals the word-formation character of personally - possessive affixes of the Kyrgyz language.

Key words: personal-possessive, egocentrism, predicative phrase, personal-pronominal.

В тюркских языках нередко встречаются случаи, когда показатели притяжательности приобретают аномальные, исключительные черты. К таким аномальным явлениям относятся прежде всего «окаменелые» формы лично-посессивных аффиксов.

В киргизском языке лично-посессивные аффиксы выступают не только как словоизменительные показатели. В ряде случаев аффиксы сливаются с основой слова и теряют словоизменительный характер, приобретая черты словообразования.

Очень часто **лично-притяжательный аффикс 1 л.ед.** киргизского языка, например, теряет значение «предмет, принадлежащий говорящему» и **используется для выражения субъективно-эмоционального отношения производителя речи к адресату.** Здесь адресат становится предметом ласки, любви, почитания, горя, огорчения и т.д.[1, с.135].

Словоформа *балам* состоит из двух морфем – основы и лично-посессивного аффикса – *м*. Она имеет морфологически прозрачное строение. Основа выражает лексическое значение «ребенок мужского пола, мальчик, сын», сочетаясь с аффиксом –*м*, передает синтаксическое по-русски значение «мой ребенок, мой сын». Словоформа в этом значении является членом лично-посессивной парадигмы: *балам* «мой ребенок», *балаң* «твой ребенок» и т.д.

Когда словоформа *балам* лексикализуется, аффикс приобретает **словообразовательную значимость.** В этом случае основа *бала* лишается первоначального значения и вместе с аффиксом получает более емкое и цельное содержание. Основной сферой функционирования слова становятся вокативные конструкции. Вокативные ситуации в соответствии с интенцией говорящего создают условия для приобретения этим словом субъективно-экспрессивного смысла в самых различных вариантах и вариациях: оно может передавать ласковое обращение адресанта к адресатам в значениях «молодой человек»,

«племянник», «сноха», «девушка», «младший по возрасту мужчина» и т.д. Благодарность старика, заключенная во фразе *Рахмат, балам*, может употребляться в самых разных ситуациях речи и одинаково относиться как к детям, так и взрослым, как к женщинам, так и мужчинам, имеющим возраст моложе говорящего.

Богатую коннотацию приобретает и слово *кызым* «дочь», «девочка», «девушка», «женщина» (моложе говорящего) и пр. **В обоих случаях лично-посессивный аффикс теряет притяжательное значение, но сохраняет эгоцентризм.** Лицо говорящего присутствует в семантике слова в целом и не только в его суффиксе. Безличное употребление слов *бала* и *кыз* встречается в их лексикографических репрезентациях, в количественно-номинативных образованиях и в вокативно-назывных этнокультурных конструкциях. К этнокультурным вокативно-назывным образованиям относятся выражения, которые содержат перенос значения, обусловленный запретом жене (невесте) называть имена ближайших родственников (братьев, сестер и родителей, племянников, дядей и др.) мужа, чем мужу (жениху) – имена родственников жены (невесты). Здесь слова *бала* и *кыз* отдельно или в различных сочетаниях с другими словами (*кичине бала, сары бала* и т.д.) выступают в качестве заменителя имен людей, называть которые запрещено обычаем.

Словообразовательный характер лично-притяжательного аффикса 1 л.ед. мы обнаруживаем в поэтизмах.

Некоторые из них продуктивны в мужском фольклоре и речи (*мөлмөлүм, жалжалым* «милая моя», *көгүчкөнүм* «голубка моя», *гүлжаным* «цветок мой, цветок и душа мои» и др.), другие в женском фольклоре и речи (*тулпарым* «скакун мой», *туйгунум* «сокол мой»), в речи обоего пола (*жаным* «душа моя», *жүрөгүм* «сердце мое», *сүйгөнүм* «любимая моя/любимый мой» и под.). Из этих примеров только последний допускает лично-посессивное спряжение. А остальные вовсе не спрягаются или спрягаются «неохотно» и со смысловыми потерями.

Лично-посессивный аффикс 1 л.ед. превращается в словообразовательный и в тех случаях, когда слова, имеющие в своем составе аффикс *-м*, приобретают значения «дитя мое», «ребенок мой». Это наблюдается при ласковых обращениях с детьми (а) или встречается в плачах на похоронах близкого человека (б):

а) *туягым* (букв. «копыто мое»), *берекем* (букв. «успех мой»), *канатым* (букв. «крылья мои»), *көлөкөм* (букв. «тень моя») и др.;

б) *туягыманайрылдым* букв. «лишился я своего копыта», *бирбоорум ой* букв. «ой однопеченник мой», *канатымданайрылдым* «лишился я крыльев своих» и др. Сюда же примыкают слова *кудайым, периштем, таксырым, ханым, байыми* др. с коннотативными значениями веры, почитания и подчинения, допускающие, в отличие от предыдущих примеров, синонимию с безаффиксными формами: *Кудайай!=Кудайымай!* «Боже мой!», *Колдойкөрсүнпериште (=периштем)* «Пусть поддерживает ангел мой!» и др. Эти и подобные лексемы, лишившись словоизменительного статуса, нередко участвуют в образовании сложных слов. Некоторые антропонимы тюркских языков имеют в своем составе окаменевшие члены лично-посессивной парадигмы: *Пиримберди, Эгемберди, Канымжан, Кишимжан, Бегимай, Бегайым, Канайыми* др. Первые два антропонима восходят к предложениям: *Пиримберди* и *Эгемберди*. Сочетание лично-посессивной словоформы в субъектной функции (с аффиксом 1 л. ед. *-им* и *-м*) и сказуемого-глагола в прош.вр. привело к образованию предложения-суждения, отражающего языческие и тотемические верования древних тюрков и превратившегося в сложный антропоним. В женских сложных именах составляющие их слова имеют несколько иные свойства. В них тоже содержатся оттенки и влияние древних представлений. Во многих именах аффикс 1 л.ед. выступает в качестве интерфикса, находясь между двумя основами.

Есть случаи, когда лично-посессивная форма 2 л.ед., выражая субъективно-экспрессивное значение ласкательности, вступает в эквивалентные отношения с формой 3 л. ед. Во фразе *Айтакойчу, садагаң* «Скажи-ка, сынок» произошла компрессия в результате выпадения слова *болоюн*. В архетипе конструкции наличие последнего было, вероятно,

обязательно: *Айтакойчу, садагаңболоюн* «Скажи-ка, чтобы я была искупительной твоей жертвой для изгнания духа болезни». В языке существует и другое употребление: *Айтакойчу, садагасы* в том же значении. Не вдаваясь в генезис этих параллельных образований, отметим синонимию признака 2 л.ед. –*ң* и признака 3 л.ед. –*сы* и словообразовательный характер этих аффиксов.

В личных формах вокатива экспрессивность выражена сильнее, чем в безличной форме. Семантика вокатива сигнализирует о реликтах древней веры и возможности их использования в вербальном общении, о бескорыстной щедрости духа говорящего, о его симпатии к адресату и готовности выполнять любое желание собеседника, о стремлении вызвать в нем соответствующую ответную реакцию. Лично-посессивное словоизменение, следовательно, играет значительную контакто-активизирующую роль в речевом акте. Эти синонимические образования не равновесны. **Наибольшей эгоцентрической возможностью обладает 2 л., затем – 3 л. и, наконец, нейтральная форма.** И здесь проявляется эгоцентризм лично-посессивного указательного поля, способствующий оценивать участника речевого общения с личностно-субъективной позиции.

Следует отметить, что особенной многоязычностью характеризуется аффикс 3 л.ед. В 3 л. происходит сильное ослабление значения принадлежности. Этим оно явно противопоставлено формам 1 и 2 л. Такое ослабление происходит в целом ряде случаев его употребления в составе лично-посессивных словоформ.

Во-первых, признак 3 л.ед. приобретает дополнительный смысл, выражая интимно-ласкательное значение в сочетании с терминами родства, особенно в сочетании со словами *ата* «отец», *эне* «мать, бабушка», *апа* «мать», *чоңата, таята* «дедушка», *чоңэне, таэне* «бабушка», *жеңе* «жена старшего брата» и т.д. Ср., например: *атасы* «его (ее) отец!», *байкеси* «его(ее) старший брат!» и др. Национально-культурная семантика этих словоформ не имеет эквивалентов в русском языке, поэтому перевод их на русский язык однозначно не воспринимается. Такое явление встречается в татарском, узбекском и других языках [2, с.79].

Во-вторых, признак 3 л. расширяет свою семантическую сферу в составе изафета.

Как известно, тюркский изафет имеет две основные разновидности. В одном случае аффиксы принадлежности в определяемом существительном соотносятся со словоформой род.п. в функции определения в примерах *менинөлкөм* «моя страна», *энеминжоолугу* «платок моей бабушки» и т.д., в которых лично-посессивные аффиксы взаимодействуют с корневыми морфемами словоформ в род.п.:

- 1) *ме-ни-н өлкө-м*
- 2) *эне-м-ин жоолуг-у*

В этих и подобных примерах лично-посессивные аффиксы выражают различный характер и различную степень принадлежности – принадлежность предмета лицу, предмета предмету, материала предмету, сделанному из него, части целому, принадлежность действия или состояния субъекту, признака обладателю и т.п. В изафетных конструкциях аффиксы лица тесно связаны структурно и семантически с предыдущей словоформой и соотносятся с ее корневой морфемой.

В другом случае определения выступают в осн.п. и не имеют в своем составе аффиксов род.п., а определяемые компоненты включают в свой состав аффикс 3 л.ед.ч.: *шааркишиси* «городской человек», *Ошшаары* «город Ош» и т.д., в которых рассматриваемый аффикс соотносится с безаффиксальной формой осн.п.:

- 1) *шааркиши-си*
- 2) *Ош шаар-ы* и др.

В подобных примерах аффикс 3 л. участвует в выражении отношения вообще – отношения предмета к месту, ко времени, отношения явления к причине, источнику или следствию, отношения части к целому и целого к своим частям, единичного к общему и общего к единичному и т.д.

Для носителей русского языка, как показывают наблюдения, кажется странным и не совсем логичным оформление интернационализмов в форме 3 л. лично-посессивного спряжения:

Оштехнологиялык университет-и

Ошский технологический университет-О

Начальная номинативная форма русского существительного находит неначальную (производную) форму в киргизском языке с аффиксом 3 л. С точки зрения русского языкового мышления этот аффикс может быть воспринят анахронизмом, излишним элементом, лишенным функциональной нагрузки.

Такое употребление словоформ с аффиксом 3 л. обладает продуктивностью и является собой специфику тюркских языков. Часто аффикс соотносится не с лицами, а с предметными существительными.

В-третьих, аффикс 3 л., расширяя свою семантику, переходит в сферу словообразования и становится словообразовательным аффиксом наречий. Часто аффикс 3 л. адвербиализирует субстантивные лексемы.

Обратимся к примерам из киргизского языка: *тун-у* «ночью», *кунду-зү* «днем», *күн-ү-тун-ү* «днем и ночью, в сутки», *эрте-си* «на следующий день», *биркүн-ү* «однажды», *акыр-ы* «наконец», *кыска-сы* «короче», *туура-сы* «вернее, правильнее», *жакшы-сы* «лучше», *жай-ы* «летом», *кыш-ы* «зимой» и т.д. Аналогичные факты встречаются и в других тюркских языках [2, с. 80]. Иногда встречаем случаи дублирования и плеоназма: *бир-и-си* «один из них», *ким-и-си* «кто из них», где интерфикс *-и-* и суффикс *-си* оба являются аффиксами 3 л.

Такой плеоназм мы встречаем и в сложных словах и словосочетаниях: *атасы-энеси жок жетим* «сирота, не имеющий отца и матери» (= *ата-энеси*), *учукуйыры жок талаа* «бескрайняя степь» и др.

В-четвертых, аффикс 3 л. выполняет союзную функцию в предложениях сложного строения, имеющих в своем составе фразы, т.е. фразоподобные образования.

Приведем примеры, которые свидетельствуют о том, что киргизские предложения или предикативные словосочетания с лично-посессивными аффиксами в своем составе в процессе употребления превращаются в слова. Предложение, субстантивируясь, становится сложным словом. Субъект-подлежащее с аффиксом 3 л. образует первый компонент такого слова.

Имя известного поэта-импровизатора *Жеңижок* представляет собой предложение и имеет строение: *жең* «рукав», *-и-* притяжательный аффикс 3 л. и *жок* «нет, отсутствует, без- / бес-», т.е. буквально «рукав(рукава)-его отсутствует (ют), рукава (ов) у них нет». Аффикс 3 лица, находясь между двумя основами в составе сложного слова, выполняет функцию интерфикса.

Такое же строение имеют *атыжок*, *жаныбар* и другие образования. Есть основание отнести *атыжок* к фразеологизмам. Если допустить слитное написание, то его можно называть словом. Это образование имеет три значения: 1) не имеющий имени; 2) безымянный (палец); 3) чирей, нарыв, фурункул. Первое значение свойственно свободному сочетанию. Имя существительное употребляется в прямом значении и является эквивалентом русского слова *имя*. Это употребление предполагает раздельное написание частей словосочетания. Второе и третье значения производны. Здесь существительное *ат* имеет переносное значение. В этих значениях части фразеологизма произносятся слитно как слово и между ними невозможно вставлять другие слова или делать паузу. Ср. сочетание с паузой в середине *атыжок* «не имеющий имени» и *аты деле жок* «пока еще не имеет имени», но не «безымянный палец» или «чирей». Второе значение в русском и киргизском языке оформлено идентично и, возможно, возникло в результате контактирования, непосредственного или опосредованного. Третье значение, вероятно, результат табу, обусловленного страхом размножения и усиления чирея на теле больного.

С этой точки зрения интересен статус слова *жаныбар* «животное», являющегося по происхождению предложением, окаменевшим и превратившимся в разряд сложных имен

существительных Оно имеет такое же строение, как и предыдущие: *жан*«дух, душа», *-ы* - притяжательный аффикс 3 л. и *бар* «есть, имеется, присутствует, существует». И здесь *ы* выступает в качестве интерфикса, соединяющего две корневые морфемы.

Рассмотрим предложение *Кызыбардынназы бар* «Кто имеет дочь (дочку, невесту), тот имеет и капризы». Эта пословица включает в себя два предикативных образования: 1) *Кыз-ы бар* букв. «дочь у него\нее имеется!» и 2) *Наз-ы бар* букв. «капризы у него\нее имеются». Данные предложения построены по принципу параллелизма, который связывает части пословицы в единое целое. Параллелизм частей пословицы проявляется в одинаковости количества звуков, слогов, слов, в идентичности состава словоформ в субъектной функции, лично-посессивного аффикса 3 л. (*-ы*), в тождественности звукокомплексов-*ы бар*, обеспечивающих благозвучие конструкции, в изоморфизме предикативного смысла фраз, утверждающего наличие определенного субъекта (1) и его свойства (2). Различие фраз составляют слова с субъектной функцией, имеющие различное лексико-семантическое содержание и противопоставляемые друг другу по координатам одушевленное – неодушевленное, конкретное – отвлеченное, название лица – название свойства и т.д.

Приведенные два предикативных образования соединены между собой аффиксом род.п. *-дын*. Падежный показатель выполняет здесь связующую функцию, только он нарушает параллелизм частей сложной конструкции, увеличивая объем ее первой части. Если в отдельно взятых фразах *Кызы бар* и *назы бар* свойство *наз* «капризы» приписывается лицу, имеющему дочь (*кыз*«дочь»), то аффикс *-дын* вносит в содержание фразы еще по крайней мере два дополнительных смысла: во-первых, субстантивирует первую фразу, как бы преобразуя ее в сложное существительное и, во-вторых, относит свойство *наз* «капризы» к лицу, обозначенному этим «сложным» существительным. Такая сложная конструкция относит свойство *наз* не только к девушке, но и к ее родителям и родне вообще. Следовательно, значение лексемы *наз*«капризы» и фразоида *Кызыбардын* расширяется за счет увеличения количества субъектов обладания.

Расширение семантики составляющих свойственно всем паремиям и таким путем усиливается их значимость. Отвлеченность значения всегда свидетельствует о жизненности пословицы и об ее способности обобщать различные явления действительности, использоваться в различных ситуациях речевого общения.

В данной пословице лично-посессивные словоформы не допускают свободного спряжения. Природа паремии накладывает на спряжение такое ограничение. Притяжательный аффикс во всех приведенных выше примерах лишен обычного лично-прономинального значения.

Сказанное тоже свидетельствует об эгоцентризме лично-посессивных образований с окаменевшими и превратившимися в словообразовательные элементы аффиксами.

Литература:

1. Атакулова М.А. Эгоцентризм как категориальное значение лично-местоименной парадигмы в языке. [Текст] // – Бишкек, 2008.-193с.
2. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков [Текст] // - Л.: Наука, 1977.-191с.